

Г.А. Джаншиев

А.М. Унковский и освобождение крестьян

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.А. Джаншиев**
А.М. Унковский и освобождение крестьян / Г.А. Джаншиев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 256 с.

ISBN 978-5-517-82275-8

А.М. Унковский и освобождение крестьян. Историко-биографические справки. С 2 портр. А.М. Унковского, fac-simile страницы 1й записки его об освобождении крестьян. Сочинение Гр. Джаншиева. Приложение: извлечения из журнальных статей А.М. Унковского. Москва, товарищество типографии А. Мамонтова, 1894 год

ISBN 978-5-517-82275-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. М. УИТОВСКИЙ

ОБОЗРЕНИЕ

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
И. В. И. ЛЕНИНА

22537-47

2007231485

Предисловіе.

Встрѣчаются, хотя и не часто, личности, которыя обладаютъ рѣдкимъ даромъ сразу внушать къ себѣ живую симпатію. Къ такимъ счастливымъ исключеніямъ принадлежалъ и А. М. Унковскій. Болѣе близкое знакомство съ нимъ еще болѣе увеличивало первую, такъ сказать, инстинктивную симпатію и служило, по вѣрному замѣчанію тверскаго гласнаго О. И. Родичева, источникомъ радости и счастья для знакомыхъ А. М. — Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать людей, общество которыхъ было-бы такъ назидательно и неотразимо привлекательно, личность которыхъ была-бы такъ обаятельна. Она васъ одновременно радовала и приподнимала, ободряла и успокоивала, утѣшала и улучшала.

Вы хорошо сознавали, что находитесь съ глазу на глазъ съ очень крупною нравственною личностью, съ однимъ изъ лучшихъ представителей породы *homo sapiens*, съ одною изъ крупнѣйшихъ историческихъ фигуръ минувшей великой преобразовательной эпохи, но А. М. умѣлъ держать себя такъ человѣчески просто, что вы совсѣмъ забывали и объ его историческомъ пьедесталѣ и объ окружающемъ его нравственномъ ореолѣ. Впрочемъ, слово „держать“ тутъ неумѣстно. Оно какъ будто предполагаетъ нѣкоторую преднамѣренность и расчетъ, о чемъ менѣе всего думалъ А. М. Нѣтъ, эта свѣтлая, благородная личность своимъ высокимъ умомъ, рѣдкою нравственною чистотою и чрезвычайною добротою дѣйствовала съ такою стихійною простотою и захватывающею цѣльностью, что поддавался ей очарованію,

трудно было в точности анализировать элементы, производящие столь сильное и чарующее впечатлѣніе.

Нужно-ли говорить, какъ поучительна и интересна была бесѣда съ этимъ заслуженнымъ ветераномъ былой славной богатырской эпохи? Не легко было однако навести его на рассказы объ этой столь яркой полосѣ какъ его личной, такъ и русской общественной жизни. Частію по врожденной необыкновенной скромности, дѣлавшей для него ненавистною всякую рисовку, а тѣмъ болѣе самохвальство, частію благодаря далеко не всегда веселымъ воспоминаніямъ, которыя будила эта полная вдохновенія и отваги, но полная также и непримиримыхъ противорѣчій и чудовищныхъ нелѣпостей, эпоха пробужденія Россіи, А. М. не охотно обновлялъ въ душѣ своей навѣваемый ею *infandum dolorem*:

Сколько въ высь и въ ширь стремлений!
И задержегъ сколько вмѣстѣ?!...

Но когда, увлеченный роемъ живыхъ и въ общемъ все-таки радостныхъ воспоминаній объ этомъ столь богатомъ людьми и событіями бурномъ и свѣтломъ времени, А. М. оживлялся, повѣствованіе его получало удивительную прелесть и яркость. Въ необыкновенно простомъ, но полномъ жизни, юмора и мѣткихъ сближеній было благо и настоящего, рассказъ, сопровождаемомъ его раскатистымъ, дѣтски - чистымъ, заразительнымъ смѣхомъ и игрою живыхъ, добрыхъ, сѣрыхъ глазъ, — вставали, какъ живые, дѣла и дѣятели незабвенной героической эпохи шестидесятыхъ годовъ. Нельзя было не удивляться, слушая эти правдивые рассказы, той изумительной пронизательности, той почти пророческой дальновидности, съ которою Унковскій и его единомышленники еще въ

половинѣ 50-хъ годовъ ясно угадывали ходъ и исходъ великихъ реформъ, разъ онѣ будутъ задуманы и исполнены безъ ясной программы, безъ строгой послѣдовательности, съ провозглашеніемъ великихъ принциповъ на бумагѣ и съ одновременнымъ сохраненіемъ старыхъ „свичаевъ и обычаевъ“ на дѣлѣ...

Несмотря на столько испытанныхъ лично невзгодъ, несмотря на столько разочарованій и въ лицахъ, и въ общественныхъ группахъ, А. М. сохранилъ до старости душевную бодрость, нравственную свѣжесть и чуткую отзывчивость ко всему свѣжему и доброму *).

Твердая вѣра въ идеалы, несокрушимая вѣра въ животворящую силу свободы и просвѣщенія, беззавѣтная вѣра въ воспитательное дѣйствіе свободныхъ учреждений и въ нравственные силы и культурныя способности русскаго народа—струилась до конца дней ея отъ этой чистой, свѣтлой, благородной личности—неизсякаемо и обильно, подобно широкой, прозрачной, многоводной рѣкѣ:

Liquidus puroque simillimus anni...

Со временемъ, когда настанутъ лучшіе дни для нашей печати, когда сдѣлаются извѣстными всѣ матеріалы исторіи

*) Не будучи избалованъ избыткомъ радостныхъ впечатлѣній отъ современности, А. М. былъ пріятно пораженъ симптомомъ нравственнаго подъема, который началъ - было сказываться въ университетской молодежи. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 21-го февраля 1892 г. А. М. съ горячимъ сочувствіемъ описывалъ большой „вечерній чай“, устроенный 8-го февраля, въ день университетскаго праздника, петербургскими студентами, пригласившими, кромѣ Унковскаго, еще нѣсколько уважаемыхъ профессоровъ и литераторовъ.

освободительной эпохи, явится возможность обрисовать вполне и образъ одного изъ главныхъ дѣятелей ея, А. М. Унковскаго. Настоящее же изданіе, представляющее лишь слабыя штрихи, отрывочныя наброски и собраніе историко-біографическаго матеріала, отнюдь не имѣетъ претензіи выдавать себя за такой историческій памятникъ, достойный имени Унковскаго... Въ ожиданіи сооруженія постоянного памятника, на могилѣ усопшаго водружается обыкновенно временный простой деревянный крестъ; таковъ смыслъ и значеніе и настоящаго скромнаго труда, внушеннаго глубочайшимъ уваженіемъ къ памяти честнаго, заслуженнаго общественнаго дѣятеля и исполненнаго

благоговѣйнымъ усердіемъ

автора.

Петровскіе выс. (Звениг. у.)
7-го августа 1894.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ты кончилъ жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава—
И въ пѣсняхъ родины святой
Жить будетъ образъ величавый,
Жить будетъ мужество твое,
Освободившее ее.

Байронъ (Плещеевъ).

Только доведенная до героизма мысль
можетъ породить героизмъ въ дѣй-
ствіяхъ. Только непреклонности логики
дана роковая тайна совершать чудеса.

М. Е. Салтыковъ.

Подъ сумрачнымъ небомъ закованнаго Петербурга, въ половинѣ прошлаго декабря, на Литейномъ проспектѣ, въ домѣ № 30, вблизи дома, гдѣ скончался въ 1889 г. М. Е. Салтыковъ, тихо угасалъ его единомышленникъ и старый закадычный другъ Алексѣй Михайловичъ Унковскій, — одинъ изъ славныхъ богатырей великой либеральной эпохи 60-хъ годовъ, освободившихъ Россію отъ позорнаго ига рабства.

Здоровье А. М. давно уже было надломлено; особенно сердце было слабо, что причиняло сильную одышку; нервныя потрясенія вызывали отекъ въ ногахъ. Такое потрясеніе пришлось испытать Унковскому 6-го декабря, когда онъ узналъ объ одной крупной неприятности, постигшей семью Салтыкова, и 7-го уже слегъ онъ въ постель, жалуясь на боль въ ногахъ. Присоединилась еще инфлуенца, и силы больного стали сильно падать, сознание ослабѣвать. 14-го декабря разсѣялся, въ послѣдній разъ, туманъ, застилавшій сознание безболѣзненно угасавшаго благороднаго ве-

терана, благодаря посѣщенію его друга и сподвижника юныхъ лѣтъ, нашего маститаго публициста А. А. Головачева. Столь не милостивая къ Унковскому вообще, судьба дала ему на сей разъ рѣдкое утѣшеніе провести послѣднія минуты сознательной жизни въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, присутствіе котораго живо будило воспоминаніе о лучшихъ моментахъ жизни, о «прекрасныхъ дняхъ Аранхуеца», пережитыхъ съ нимъ вмѣстѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ періодъ кипучей освободительной дѣятельности.

Въ ночь на 20-е декабря, въ 12 ч. 10 мин., безъ агоніи, безъ стона и вздоха тихо опочилъ Унковскій на рукахъ сына своего Владиміра, студента Военно-медицинской академіи, который не безъ труда могъ отмѣтить точный моментъ, когда перестало биться это изстрадавшееся, но чуткое къ страданіямъ ближняго любвеобильное сердце стойкаго идеалиста-гражданина, и отлетѣлъ чистый и мощный духъ его, оставивъ бездыханные останки. Тѣло было отправлено для погребенія въ родовое имѣніе Унковскихъ въ, с. Дмитрюково, Тверскаго уѣзда. Похороны отличались скромностью; присутствовали главнымъ образомъ товарищи А. М. по профессіи, петербургскіе присяжные повѣренные, принявшіе на себя издержки похоронъ.

Въ обществѣ ¹⁾ смерть знаменитаго общественнаго дѣятеля, отважнаго бойца преобразовательной эпохи, имя котораго гре-

¹⁾ Единственною крупною манифестаціею было учрежденіе Тверскимъ земствомъ стипендіи имени А. М. Унковскаго, послѣ теплыхъ словъ, сказанныхъ въ засѣданіи Тверскаго губернскаго земскаго собранія 10-го Января гласнымъ Ѡ. И. Родичевымъ: «Дѣятельность А. М. Унковскаго сказалъ г. Родичевъ, имѣеть для Тверской губ. гораздо большее значеніе, чѣмъ дѣятельность гласнаго только. Его имя для Тверской губерніи да и для всей Россіи неразрывно связано съ свѣтлою памятью освобожденія; мы гордимся этою памятью. А. М. Унковскій былъ одною изъ свѣтлыхъ личностей благородной группы работниковъ освобожденія. Многіе изъ насъ лично знали его и всѣ, конечно, будутъ хранить память этого обаятельнаго человѣка, какъ воспоминаніе о личномъ счастьѣ. — Вся жизнь его рѣдкій примѣръ цѣльности; въ ней нѣтъ ни одной тѣни, ни одного диссонанса, — она вси посвящена была служенію правдѣ и справедливости. Я думаю, что мы исполнимъ нашъ долгъ передъ населеніемъ, если увѣковѣчимъ память А. М. Унковскаго какимъ нибудь добрымъ дѣломъ. Земство въ лицѣ его будетъ чувствовать лучшія воспоминанія населенія и благороднѣйшія надежды» (*Русс. Вид.* 1894 г. № 14). — По-

мѣло одно время на всю Россію и даже за ея предѣлами, не произвела особеннаго впечатлѣнія. Но неужели въ наше «трезвенное» и равнодушное время, время «легковѣсныхъ»²⁾ людей никому, въ самомъ дѣлѣ, не интересны и не нужны дѣла и заслуги доблестныхъ людей, подобныхъ Унковскому?

Или въ наше время
Люди и забыли,
Чѣмъ въ бывшее время
Доблестны мы были?

Унковскій былъ и остался до послѣдняго вздоха авторитетнымъ, неподкупнымъ и убѣжденнымъ представителемъ и храни-

ц

становленіе собранія объ учрежденіи стипендіи имени А. М. Унковскаго опротестовано тверскимъ губернаторомъ г. Ахлестышевымъ, какъ *явно нарушающее* (?) интересы мѣстнаго населенія.

²⁾ Легковѣсные люди — писалъ ясновидящій пророкъ - мыслитель Щедринъ - Салтыковъ, вотъ дѣйствительные, несомнѣнные герои современнаго общества. Чѣмъ легковѣснѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ претендовать на успѣхъ, тѣмъ болѣе можетъ дерзать. Законы физики торжествуютъ: легкія тѣла поднимаются вверхъ; тѣла плотныя и всѣскія остаются въ низменностяхъ. Золотники стоятъ триумфаторами по всей линіи и во всѣхъ профессіяхъ; они цѣпляются другъ за друга, подталкиваютъ и выводятъ другъ друга и въ концѣ концовъ образуютъ толстую, плотную массу, сквозь которую нельзя пробиться даже при помощи осадныхъ орудій.—Еще очень недавно вы видѣли этихъ безконечно малыхъ, еще недавно вы думали, что они не больше, какъ жужжащіе комары, которые потому только и обращали на себя ваше вниманіе, что отъ нихъ нужно было отмахиваться. Увы! теперь это не просто комары, а цѣлая масса комаровъ, претендующая затмить собою солнечный свѣтъ. Ихъ жужжаніе—не просто жужжаніе, а совокунность миллионовъ жужжаній, имѣющая всѣ признаки трубнаго гласа... Все проходить, все измѣняется. Были идеи—онѣ переродились въ слова; были слова—они смѣнились безсвязнымъ, любострастнымъ стенаніемъ. Увы! намъ ужъ не до идей! Теперь мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ даже *о словахъ, обрывкахъ идей...* Увы! драгоценные обрывки мысли исчезаютъ безслѣдно, исчезаютъ въ виду всѣхъ. Безсвязный гулъ, который издаетъ столько „легковѣсныхъ“, не только не имѣетъ ничего общаго съ мыслью, но даже находится въ явно враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Коли хотите, анализируя этотъ гулъ пристальнѣе, вы, конечно, рискуете отыскать въ немъ нѣчто похожее на внутреннее содержаніе, которое тѣмъ только и отличается отъ наглой безмыслицы, что въ основѣ его лежитъ дохо-

телемъ гуманныхъ передовыхъ идей 60-хъ годовъ, которыя дали стимулъ и содержаніе какъ его кратковременной, но блестящей общественной дѣятельности въ 50-хъ годахъ, такъ и послѣдующей продолжительной, безукоризненной адвокатской карьерѣ и чистѣйшей частной жизни, которыя даже сами по себѣ заслуживали бы общественнаго вниманія и признательности.

Позвольте, какъ водится, начать съ начала, съ дѣтства. Унговскій родился 24 декабря 1828 г. въ небогатой, но зажиточной, довольно старой дворянской семьѣ, въ родовой вотчинѣ, с. Дмитрюковѣ, пожалованномъ предку его, Богдану Гавриловичу Боушъ-Унговскому, царемъ Васиіемъ Шуйскимъ.

дающая до остервененія *ненависть* къ мысли.—И тутъ уже нечего ждать ни суда, ни разбирательства: всякая мысль, каково-бы ни было ея содержаніе, одинаково противна золотнику, уже по тому одному, что она мысль, а не похоть, не вождельніе... Убѣжденія самыя разнообразныя, самыя противорѣчивыя уравниваются предъ безграничною злобою и похотливой легковѣсностью; все они подлежатъ преслѣдованію и казни потому только, что напоминаютъ о существованіи ненавистной мысли! (Сочиненія М. Е. Салтыкова, II, 230, 231).—И, подумаешь, все это писалъ Салтыковъ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, пророчески добавляя: „эти неизмѣримо-малые великаны въ сравненіи съ тѣми неизмѣримо-малѣйшими, которые *придутъ* на ихъ мѣсто“.—Поневоля согласишься, что покойный Островскій не преувеличивалъ, когда называлъ гениальнаго Салтыкова *vates*’омъ, великимъ пророкомъ земли Русской. Проницателенъ, дальнозорокъ былъ Салтыковъ, но и онъ, кажется, не могъ предвидѣть, что русская печать дойдетъ до такого дикаго невѣжества, чтобы, подобно *Гражданину*, предлагать, напр., какъ новость разрѣшеніе принимать въ мировомъ судѣ словесныя просьбы 30 лѣтъ спустя послѣ его введенія; до такого одичанія, чтобы признавать, подобно той же газетѣ, для мужиковъ обязательнымъ неукоснительное исполненіе даже *незаконныхъ* требованій земскихъ начальниковъ; чтобы защищать «взятки» (№ 139);—до такой византійско-іезуитской эксплуатаціи легковѣрья простаго народа, чтобы, подобно „ходкимъ“ *Петерб. Газетѣ* и *Листку* спекулировать на чудесахъ оо. Антонія и Иоанна Кронштадскаго, растягивая въ нѣсколькихъ номерахъ сенсаціонный рассказъ о томъ, какъ стала чахнуть одна невѣрующая московская купеческая дѣвица послѣ того, какъ о. Іоаннъ „случайно дотронулся перстомъ (sic) до живота ея“ и какъ она чудесно потомъ была исцѣлена пр. (см. *Новое Время* отъ 19 апрѣля 1894 г.).

По семейному преданію, родоначальникъ тверскихъ Унковскихъ былъ выходецъ изъ Польши, но есть и другое предположеніе, что вѣтвь эта отдѣлилась отъ общаго, донынѣ существующаго, рода калужскихъ Унковскихъ, который татарскаго происхожденія. По матери Унковскій принадлежалъ къ аристократическому роду Морковыхъ и черезъ него онъ примыкалъ, по его собственному указанію къ той средѣ, которая выведена въ «Горѣ отъ ума».

Предки А. М. издревле были истыми помѣщиками, хозяевами-домосѣдами и оставались равнодушны къ столь обольстительному для многихъ мишурному блеску военной и придворной службы. Прапрадѣдъ А. М. дѣлалъ Азовскій походъ, дослужился при царевнѣ Софіи до званія стольника, остальные же не шли дальше чина прапорщиковъ. Послуживъ немного сперва, т. е. до отмѣны дворянской служебной повинности, по принужденію, а потомъ по традиціи и рутинѣ, Унковскіе поселялись безвыѣздно у себя въ своемъ родномъ Дмитрюковѣ, неказистомъ, но покойномъ уютномъ дворянскомъ гнѣздѣ, среди своихъ преданныхъ за страхъ и совѣсть поданныхъ-крѣпостныхъ, которымъ жилось, подъ личнымъ благодушнымъ управленіемъ своихъ благодушныхъ господъ, очень недурно.

Отецъ Унковскаго, человекъ для своего времени довольно образованный, былъ предводителемъ дворянства, «совѣстнымъ судьей» и даже исправникомъ, а послѣ службы долго жилъ въ деревнѣ и занимался хозяйствомъ. Матери А. М. лишился рано, оставшись на рукахъ четырехъ тетокъ, сестеръ отца, которыя души въ немъ не чаяли и страшно его баловали.

Все дѣтство и отрочество А. М. прошло среди патриархальныхъ картинъ безмятежнаго рабства съ его частью лицемѣрнымъ, частью искреннимъ почитаніемъ «отцовъ родныхъ», словомъ среди рѣдкихъ, наилучшихъ образцовъ того безобразнаго строя, которое именовалось крѣпостнымъ правомъ. Не только семья Унковскихъ, но и сосѣди ихъ: П. И. Лажечниковъ, извѣстный писатель, семья Львовыхъ (Львова была воспитанница Державина), В. И. Назимовъ принадлежали къ числу самыхъ гуманныхъ помѣщиковъ, представляя въ этомъ отношеніи прямую противоположность той отвратительной, скаредной, озлобленной помѣщичьей средѣ Калязинскаго уѣзда, гдѣ люди изъ экономіи морили себя голодомъ, гдѣ помѣщица не только «дѣ-